ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ

ҚАРШИ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ

ҚАРШИ МУҲАНДИСЛИК-ИҚТИСОДИЁТ ИНСТИТУТИ

“ТИҚХММИ” МТУнинг ҚАРШИ ИРРИГАЦИЯ ВА АГРОТЕХНОЛОГИЯЛАР ИНСТИТУТИ
ЎЗБЕКИСТОН ХОТИН-ҚИЗЛАР “OLIMA” УЮШМАСИ

МАРКАЗИЙ ОСИЁ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТИЗИМИДА ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИ ВА МАДАНИЯТИ

мавзусида халқаро илмий-амалий конференция материаллари

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

материалы международной научно- практической конференции

HISTORY AND CULTURE OF UZBEKISTAN IN THE SYSTEM OF CENTRAL ASIAN CIVILIZATIONS

Materials of the international scientific practical-conference

2022 йил 14-май

Қарши шахри

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ

ҚАРШИ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ

ҚАРШИ МУҲАНДИСЛИК-ИҚТИСОДИЁТ ИНСТИТУТИ

“ТИҚХММИ” МТУнинг ҚАРШИ ИРРИГАЦИЯ ВА АГРОТЕХНОЛОГИЯЛАР ИНСТИТУТИ
ЎЗБЕКИСТОН ХОТИН-ҚИЗЛАР ҚЎМИТАСИ “ОЛИМА” УЮШМАСИ

МАРКАЗИЙ ОСИЁ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ТИЗИМИДА ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИ ВА МАДАНИЯТИ

мавзусида халқаро илмий- амалий конференция материаллари

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УЗБЕКИ СТАНА В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

материалы международной научно- практической конференции

HISTORY AND CULTURE OF UZBEKISTAN IN THE SYSTEM OF CENTRAL ASIAN CIVILIZATIONS

materials of the international scientific practical-conference

2022 йил 14-май

Қарши шаҳри

4. Указ, а также Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посещенном 30-летию придания узбекскому языку статуса государственного языка.
5. Там же. 2.3 Указа
6. Там же. 4 Указа
7. Там же.
8. Эгамбердиев А.«К вопросу о современном языковой политике в Узбекистане». / https://www.kas.de/documents

КУЛЬТУРА УЗБЕКИСТАНА И ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1920-1930 ГГ.

Замира ИШАНХОДЖАЕВА
Профессор, д. и. н. кафедры история Узбекистана
Национального Университета Узбекистана

Введение. За годы суверенного национального развития историками республики проведена уже огромная работа по возвращению исторической памяти народу, оздоровлению исторической науки. Но, несмотря на очевидные достижения, остался еще обширный пласт проблем, требующий современного изучения и переоценки. Сохранилось немало страниц отечественной летописи, вырванных жесткой рукой советского тоталитаризма. Среди них приоритетное место занимают сюжеты, связанные с репрессивной политикой тоталитарно-имперского режима, его негативного воздействия на все стороны жизни национального общества, особенно его духовную сферу.

Период 30-х–начало 50-х гг. отличался предельной политизацией духовной жизни общества, массовым террором, обрушившимся на деятелей литературы, науки и искусства, упрочением механизма командно-приказной системы управления культурой, абсолютизацией классового подхода, физическим истреблением обширных групп населения.

Анализ литературы по теме (Literature review). Весь объем исследовательской литературы, созданной на протяжении сравнительно длительного исторического этапа, при господстве различных идеологических систем, с помощью различных методологических подходов и различающейся по характеру источниковой базы требует детального изучения и анализа. В процессе изучения и анализа научной литературы автор счел необходимым подразделить ее на четыре основных периода и одну группу: 1) Работы, написанные в 20-50_е годы XX века. 2) Исследования со второй половины 50-х годов до середины 80–х. годов XX века; 3) Работы, написанные со второй половины 80-х и до 90-х годов XX века; 4) Работы, написанные после обретения Узбекистаном независимости; 5) Зарубежная историография.

В условиях изменившихся исторических и политических реалий стали появляться написанные в качественно новом методологическом ключе исторические труды. Касаясь темы настоящего исследования, в первую очередь, следует назвать работы Ахмада Закий Валидий Тугана, С. Абдухаликова, Д.А.Алимовой, Д.Рашидовой, Б. Алиева, В.А. Германова, Г.Гулямова, А.А. Голованова, Мунаввар кори Абдурашидхонова, В.

Мирзаева, Н. Мухитдинова, М. Нишанова, Т. Рахманова, И. Турсунова, Н. Хакимова, Б.В.Хасанова, С. Шермухамедова, Шукрулло, А. Чориева, Ю.А. Эргашевой и др. [1]

Методология исследования (Research Methodology). Сразу же после установления советской власти в Узбекистане большевики планировали шаг за шагом проводить преобразования во всех сферах жизни. Было объявлено о проведении мероприятий по индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, и наконец, по самому сложному для многонациональной страны, национальному вопросу [1]. В провозглашенных большевиками лозунгах было много привлекательного для простого народа решений. Но на деле это оказалось не совсем так. Не затрагивая вопросов индустриализации, коллективизации и национального, в данной статье мы хотели бы рассмотреть политику большевиков в культурной сфере в Узбекистане. Политика, проводимая советской властью в сфере культуры, была весьма противоречивой и неоднозначной. С одной стороны она провозгласила проведение реформ и политики «культурной революции», с другой - она была нацелена на утверждение коммунистической идеологии, а также на отрыв от исторических корней, национальных обычаев и традиций узбекского народа [2]. Под культурной революцией подразумевали коренной переворот в духовной жизни общества, произошедший после Октября 1917 г. При этом обращалось внимание почти исключительно на положительные последствия перемен в идеологической жизни, образовании, науке, художественном творчестве [3]. Актуальность обращения к данной теме определяется тем, что несмотря на огромный интерес историков к проблеме культурной политики в советский период истории и её разработанность, влияние на культурную жизнь, в целом культуру и людей, внесших большой вклад в её развитие, остается практически не освещенной. Судьбы представителей национальной интеллигенции, отчасти подвергаются изучению, но не в контексте общих культурных процессов, протекавших на тяжелом фоне репрессивного режима советской власти [4]. В последние годы историки Узбекистана много сделали для критического пересмотра этих вопросов, а именно проанализированы как достижения, так и проблемы, и, связанные с ними большие потери в культурной жизни Узбекистана в годы советской власти. Также исследованиями этого периода занимались зарубежные ученые, которые изучали общие и некоторые отдельные вопросы, касающиеся рассматриваемого периода [5]. Несмотря на проведенные исследования, целый ряд вопросов, связанных с исследованием вопросов власти и культурной жизни в 1920-1940-е годы, остаётся еще малоизученным. Настоящая статья раскрывает некоторые особенности политики советской власти в сфере культуры в Узбекистане в указанный период.

Анализ и результаты (Analysis and results). Как указывалось выше, большевистские преобразования в области культуры были задуманы ими как революционные, они качественно отличались от культурной практики как царской России, так и других государств. Под «культурной революцией» следует понимать исторически конкретный тип политики, который предопределил условия и содержание духовного развития общества в Узбекистане после 1917 г. [6]. В данном случае, основной задачей «культурной революции» было утверждение идеологии большевиков, как единственной верной и необходимой, при этом не учитывался менталитет узбекского народа, его самобытная культура, формировавшаяся на протяжении тысячелетий. Предполагаемая широкая демократизация культурной жизни представлялась и как просвещение народа, и как его вовлечение в создание культурных ценностей. Этот путь отмечен не только несомненными достижениями, но и значительными потерями [7]. Следует добавить – и разгулом репрессий среди наиболее талантливых представителей этой сферы.

К моменту установления советской власти большевики еще не имели четкой программы проведения культурной политики в национальных республиках. Но по

мере её самоутверждения, ориентиры постепенно вырисовывались, выливаясь, по существу, в ущемление интересов наций и народностей. Остановимся на некоторых фактах, подтверждающих недоброжелательного отношения власти к национальным культурам. Одним из ярких примеров негативного отношения властей к культурной сфере, в том числе к деятельности культурно – просветительских учреждений, может служить предпринятая в декабре 1937 г. акция по ликвидации в Узбекистане обширного числа клубов национальных меньшинств и клубов других национальностей, проживавших в то время в Узбекистане. Показательна при этом мотивировка данного решения, отражавшая атмосферу насилия и логику репрессивного мышления тех лет. В частности, в постановлении СНК ЦК КП(б) Узбекской ССР по указанному вопросу недвусмысленно подчеркивалось, что одной из главных причин закрытия опальных клубов явилось «… превращение их в сборища антисоветских, контрреволюционных и шпионских элементов, которые использовали клубы в своих вредительских целях» [8]. В составе таковых назывались польский, еврейский, местно-еврейский и уйгурский клубы в гор. Ташкенте, клуб им. Озет в Коканде, местно-еврейский и армянский клубы в Самарканде. В соответствии с таким подходом к 1 января 1938 г. оказались ликвидированы в Ташкенте: польский, татаро-башкирский, азербайджанский, местно-еврейский, уйгурский, венгерский клубы, в Самарканде: местно-еврейский и армянский клубы; в Коканде: армянский и местно-еврейский; в Бухаре – местно-еврейский; в Андижане – уйгурский; в Кермине – татаро-башкирский клубы; в Намангане – клуб национальных меньшинств [9]. Аналогичная практика поиска «врагов народа», стремление властей списать на них все недостатки в организации практической работы, а также в материально-техническом обеспечении культурно-просветительских учреждений наблюда-лась и по другим структурным подразделениям этих «очагов культуры».

К примеру, еще в 1932 г. коллектив городской библиотеки им. Махмудходжи Бехбуди [10] в г. Самарканде обратился в Совнарком УзССР с просьбой оказать посильную помощь в укреплении ее материального положения, ожидая помощи от властных структур [11].

Просьбу схожего характера высказывали и работники других библиотек республики. Однако, несмотря на письма-обращения такого рода, из года в год, библиотеки продолжали содержаться на голодном финансовом пайке. В частности, в 1935 г. ассигнование на текущее содержание библиотечной сети Узбекистана выражалось в сумме 2 211,5 тыс. руб. В 1936 г. оно возросло до 2,5 млн. руб., в то время как реальная потребность выражалась в сумме 3 млн. 658,4 тыс. руб. Причем в 1936 г., согласно постановлению Совнаркома УзССР, Наркомпрос, городские советы, окружные и районные исполкомы должны были обеспечить организацию во всех районных центрах республики районными (центральными) библиотеками и увеличить сеть рядовых библиотек с таким расчетом, «чтобы к концу 1936 г. иметь в республике не менее 855 политпросветских библиотек» [12]. Но средства, выделяемые для решения этой задачи, были мизерные и никак не могли покрыть требуемые для решения вопроса расходы.

Весьма очевидно, что подобная практика не могла обеспечить должного повышения качества библиотечного дела, сдерживала возможности библиотек в налаживании эффективной культурно-просветительской работы. Но чиновнично-бюрократический аппарат, особенно после 1934 г., когда по всей стране, в том числе и в Узбекистане, прокатилась волна политических репрессий, оправдывал сложившуюся ситуацию «вредительской» деятельностью «врагов народа». Так, в докладной записке начальника Библиотечного управления Наркомпроса, направленной в июне 1937 г. замнаркому просвещения Узбекской ССР Кичанову,

указывалось: «Сеть библиотек системы Наркомпроса… засорена вредителями, врагами народа, троцкистами… Враги народа подобрались к руководству многих библиотек вредили на этом участке культурного фронта. Самаркандская государственная библиотека до последних дней не оставалась очищенной от контрреволюционного хлама. Это тоже дело рук врагов» [13] - сообщалось в докладной записке.

Подобные письма писались неоднократно, излагая, по сути, мелкие конфликты и наводя клевету на невиновных людей, которая тут же подхватывалась соответствующими органами, по непроверенной информации принимались меры, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Что касается музейного дела – то здесь мы также можем видеть картину поисков «врагов народа». Так в опубликованной 28 сентября 1937 г. в газете «Кизил Узбекистон» (Красный Узбекистан) статье «Еще один факт, показывающий политическую слепоту» [14] в этой связи говорилось: «Узбекистанский Наркомпрос в своем ведении имеет около десятка музеев, но руководства над ними никогда не было… Долгое время музеи Узбекистана не имели постоянного своего хозяина, переходили из рук в руки. Наркомпрос тоже не обеспечил хорошего руководства музеями. Этим воспользовались враги народа и аферисты, которые в течение более двух лет безнаказанно творили свои дела в Узбекистанском музее народного хозяйства» - заключалось в статье.

Более подробная картина «вредительства» в музее народного хозяйства содержится в докладной [15] Е.М. Никифоровой, назначенной временно исполняющей обязанности директора музея, 14 января 1937 г. Показательно при этом, что данная докладная была направлена 3 октября 1937 г. не только в Наркомпрос, но и в органы НКВД.

Обращает на себя внимание и тот факт, что развязанная властями кампания классового террора негативно воздействовала на умы немалого числа людей, которые, руководствуясь логикой конфронтационного мышления, из карьеристских или иных корыстных интересов стали посылать политические доносы в карательные и другие властные органы на сотрудничавших рядом с ними членов производственных коллективов, а также неугодных им лиц. Такого рода деятельность тем самым постепенно приводила к деморализации общества в целом.

Собственно, в 1920-1930-е годы проводилась откровенная политизации музейного дела, выражавшая официальные взгляды руководства, это нашло практическое выражение во всей последующей деятельности музеев как страны в целом, так и Узбекистана в частности. Построенная на примате руководящей роли партии, восхваления советского культового режима, она по-прежнему нацеливала на поиск «вредителей», на раздувание истории «классовых боев» с «внутренними врагами».

В конечном итоге продолжились гонения на представителей культурной сферы. 28 апреля 1935 г. был приговорен к 6-ти годам лишения свободы известный узбекский кинорежиссер Сулейман Ходжаев. В вину ему было поставлено то, что он «в ноябре 1937 г. у себя на квартире в группе из 3-х человек вспоминая свою недавнюю поездку во Францию, говорил о наличии большей и реальной демократии, а также и свободы печати во Франции, чем в Советском Союзе. Подтверждал это тем, что во Франции различные политические партии имеют свои печатные органы, свободно критикующие действия отдельных представителей, попробуй это сделать в нашем Союзе и что с Вами будет завтра» - сокрушался С. Ходжаев.

Впоследствии Сулеймана Ходжаева обвинили в том, что в кругу своих знакомых он критиковал мероприятия руководства Союза, направленные на выполнение хлопкоуборочной кампании 1934 г., доказывая, что «за неурожай судят

колхозников, применяют жесткие меры к невыполняющим хлопковые поставки», несмотря на то они не виноваты в этом [16].

Непроверенные доносы, а также идеологическое оформление деятельности неугодных советской власти людей в средствах массовой информации, давала повод для преследования невинных людей, специалистов своего дела. В русле этих мер можно привести пример и случаи с библиотеками, издательствами и др. Фактически полному разгрому со стороны властей подвергся коллектив Фундаментальной библиотеки Среднеазиатского государственного университета - САГУ (ныне Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека). В 1936 г. ее директор профессор-историк П.П. Смирнов чудом избежал ареста. До этого его, сосланного из Киевского университета в Ташкент, лишили права читать лекции в САГУ и использовали в качестве технического работника. Вовремя предупрежденный о предстоящем аресте, он поспешно покинул Ташкент и уехал в Москву, где впоследствии являлся профессором Московского историко-архивного института [17].

Ареста не избежала ближайшая помощница П.П. Смирнова по фундаментальной библиотеке САГУ - этнограф Н.В. Брюллова-Шаскольская. Обвиненная в «контрреволюционной деятельности», она была расстреляна 9 октября 1937 г. Реабилитирована Н.В. Брюллова-Шаскольская была 6 августа 1957 г. [18]. Как мы понимаем - посмертно.

В том же 1937 г. был арестован редактор Андижанской газеты Алимбай-Ходжа Бабаходжаев, обвиненный в том, что «…распространял антисоветскую клевету, говорил, что советская власть не принадлежит рабочему классу, а потому колхозы не обеспечиваются хлебом и промтоварами, колхозники голодные и голые от голода умирают». Был осужден на 8 лет. Но через год скончался при невыясненных обстоятельствах.

5 августа 1937 г. в Москве был арестован старший библиограф и переводчик по тюркским языкам Всесоюзной книжной палаты Комитета наук при ЦИК СССР Кудратулла Юнусов. Он был обвинен в том, что в 1915 г. вступил в «буржуазно-националистическое культурно-просветительное общество «Туран», которое возглавляли, по версии работников НКВД, «известные националисты» Низаметдин Ходжаев, Абдулла Авлони, Салахутдин Муфти, Шакирджан Рахими, Мир Азимов и др.». В 1920 г. его, якобы, «завербовал» в «националистическую организацию «Миллий-Иттиход» Башрулла Хан Ассадула Ходжаев». По этому делу проходили также С. Турсунходжаев, Абдукахар Кушбегиев, Али Расулов, Салимхан Тилляханов, Ташпулат Нарбутабеков, Юсуп Алиев, Тангрикул Ходжиев, Мунаввар Кары, Темир Кулходжиев, Гулам Икрамов, Абдувахид Бурханов, Рыскулов и многие другие видные представители национальной интеллигенции. Кудратулла Юнусов был расстрелян как «враг народа» 5 октября 1938 г., реабилитирован 26 апреля 1989 г. тоже посмертно.

В целом же, в результате развернувшихся во второй половине 30-х годов массовых арестов, к весне 1938 г. оказалось репрессировано более 60 % всего состава руководящих и хозяйственных работников, представителей национальной интеллигенции [19].

Выводы и предложения (Conclusion/Recommendations). По истечении времени видно, что предпринимаемые меры, как и прежде, в принципе осуществлялись в рамках устоявшихся марксистских установок. Культурно-идеологическая работа носила политизированный характер, но ее заслугой явилось то, что всем своим содержанием идейно-политическая деятельность властных органов была нацелена на превращение страны в единый боевой лагерь для отпора врагу.

Таким образом, из приведенных материалов, мы видим, что в условиях советской власти, для пропаганды коммунистической идеологии востребованность культурно-просветительских учреждений, их важной роли в жизни общества в различные периоды истории, была высока. Но несмотря на это, проводимая большевиками политика преследований представителей этой сферы привела к большим и невосполнимым потерям, что конечно же сказалось негативно на сохранении, изучении и пропаганде культурных ценностей узбекского народа.

Сегодня историками проводится большая работа по исследованию жертв репрессивной политики советской власти в области культуры. Изданы и готовятся к изданию труды на эту тематику, проводится реабилитация незаконно осужденных представителей культурной сферы. Но для более широкого изучения культурного наследия исследуемого периода, необходима на наш взгляд, пропаганда проделанной работы, с учетом цифровизации материалов и электронных СМИ. К этой теме автор статьи планирует вернуться в своих последующих работах.

Список использованной литературы

1. Узбекская советская социалистическая республика. Абраров З.С., Аванесов Р.Х., Гаибов Н. и др. Ташкент; Узбекистан- 1977 г; С. 11.

2. Культурная жизнь в Туркестане в период 1920-1930-е гг.- http://testhistory.ru/history. Дата обращения 12.01.2019.

3. Вдовин А. И. Культурная политика советской власти. - https://www.portal-slovo.ru/history. Дата обращения 12.01.2019.

4. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и её воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925-1950 гг.). 07.00.01. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент 2012. https://docplayer.ru/47044603-.html. Дата обращения 30.11.2019.

5. Conquest R. «The Harvest of Sorrow. Soviet collectiozation and the Terror. – fa mine. – New York, 1986; - 416 p.

Bennigsen A. Co – authorship with Chantal Lamercier Quelquejay. Islam in the Soviet Union. – New York: Praeger, 1967 – 272 p. и др. См. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и её воздействие на культурную жизнь Узбекистана (1925-1950 гг.). 07.00.01. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ташкент 2012. https://docplayer.ru/47044603-.html. Дата обращения 30.11.2019.

6. Культурная жизнь в Туркестане в период 1920-1930-е гг.- http://testhistory.ru/history. Дата обращения 12.01.2019.

7. Вдовин А. И. Культурная политика советской власти. - https://www.portal-slovo.ru/history. Дата обращения 12.01.2019.

8. НА Уз, ф. Р–837, оп. 32, д. 759 Проекты Постановлений СНК УзССР, л. 132.

9. Там же.

10. Бехбуди Махмудходжа — просветитель, которого справедливого называют основоположником узбекской драматургии. Лидер джадидов – сторонников светского и новометодного обучения. https://arboblar.uz/ru. Дата обращения 13.01.2019.

11. НА Уз, ф. Р–837, оп. 10 д. 882 Постановления НКФ УзССР, л. 32–32 об.

12. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925-1953). «Tafakkur». Ташкент – 2011. С. 109.

13. НА Уз, ф. Р–94, оп. 5, д. 1472 Материалы Наркомпроса, л. 24.

14. Еще один факт, показывающий политическую слепоту // Кизил Узбекистон. 1937, 28 сентября

15. НА Уз, ф. Р–94, оп. 5, д. 2251 Материалы Наркомпроса, л. 5–7.

16. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925-1953). «Tafakkur». Ташкент – 2011. С. 115.

17. Ишанходжаева З.Р. Красный террор и расстрелянные библиотеки Ташкента // Вестник НУУз. – Ташкент, 2000. – № 4. – С. 28.

18. Там же.

19. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925-1953). «Tafakkur». Ташкент – 2011. С. 116.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Г.Э.Муминова – д.и.н., профессор.
Каршинский государственный университет

Глобальные изменения в сфере охраны окружающей среды требуют усиления мер по защите здоровья населения. В этом направлении работают несколько международных организаций и государств на основе многолетних программ. В частности, принимаются последовательные меры по улучшению экологической обстановки, сохранению окружающей среды, обеспечению продовольственной безопасности, борьбе с различными инфекционными и социальными заболеваниями, профилактике СПИДа и онкологических заболеваний. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сыграла в этом важную роль. В последние годы Узбекистан тесно сотрудничает с ВОЗ и добился положительных результатов в области охраны здоровья материнства и детства и борьбы с туберкулезом.

В высших учебных заведениях развитых стран мира проводятся исследования по изучении истории медицины. В частности, уделяется внимание на проблемы охраны материнства и детства, диагностику заболеваний, репродуктивное здоровье, диагностические технологии, специализированные медицинские услуги, социальную политику государства в сфере здравоохранения, народную медицину и ее роль в современной системе здравоохранения, медицинское образование и ее развитие, различные модели реформирования медицинской системы и задачи связанные с их эволюцией. В то же время, важную роль играет использование новых технологий в лечении различных заболеваний, борьбе с заболеваниями сердечно-сосудистой системы и сахарного диабета, скорой медицинской помощи, развитии современной фармацевтики.

Несмотря на то, что реформа здравоохранения в Узбекистане претерпела ряд изменений вследствие реформ и привела к снижению заболеваемости и увеличению средней продолжительности жизни, ее показатели все еще сильно отстают от развитых стран. В Узбекистане, например, в 2005 году число абсолютно здоровых детей составляло 52,7 процента, в то время как в развитых странах этот показатель составлял 70–72 процента [1]. В настоящее время в отрасли существует множество проблем, требующих своего решения. Условия в лечебных учреждениях в сельской местности, нехватка квалифицированного медицинского персонала, нехватка